

Ян Е сжал руку Линь Шу вместе с зажатым в ней камнем и прижал к своей щеке. Он всё ещё немного лихорадил, и кожа его была горячей.

Линь Шу посмотрел на него сверху вниз:

— Дело не в том, что я гоню тебя. Твое положение слишком зыбко, и твоё присутствие здесь принесет лишь беду. Рано или поздно твой старший брат отыщет тебя, а я больше не хочу спасаться бегством от убийц.

— Да какая у меня теперь важность? — воскликнул Ян Е. — Венценосный брат отвесил мне такую оплеуху, что я вылетел из столицы кубарем! Он велел мне сгинуть с глаз его долой и никогда больше не возвращаться. Сейчас я... да мне даже до тебя далеко! Посмотри сам, посмотри! — Он вытащил из-за пазухи пустой шелковый кошель и потряс им в воздухе. — Я гол как сокол! У тебя хотя бы есть этот дом, винодельня, трактир, кто-то готовит тебе еду, а стены греет печь. А у меня за душой ничегошеньки. Если ты меня выставишь, куда мне идти? На улицу, милостыню просить?

Он вскинул голову, глядя на Линь Шу умоляющими, влажными глазами:

— Пока я был в Лояне, все думы были только о тебе, никто другой мне и даром не нужен! Ради тебя я лишился расположения императора, отказался от медной монеты, лишился титула — всего лишился! Прodelал такой огромный путь, чтобы быть рядом. А ты теперь заявляешь, что я тебе не нужен? Линь Шу, скажи на милость, у тебя совесть есть?!

Увлёкшись, он мгновенно вернулся к своим старым повадкам — затараторил, запричитал, сделавшись всё таким же несносным и приставучим.

Лицо Линь Шу приняло весьма странное выражение. Помолчав немного, он холодно произнёс:

— На днях приходил лекарь, щупал твой пульс. Он сказал, что жар твой, конечно, от простуды, но корень болезни кроется в другом. Ты человек военный, телом крепок, от пары дней на холоде так не свалился бы. А слёг ты так тяжело из-за крайнего истощения почек. И добавил, что ближайшие три месяца тебе нужно поберечь себя, иначе рискуешь остаться калекой на всю жизнь. Так какие бесчинства ты творил в столице перед тем, как явиться сюда вешать мне лапшу на уши? Это ты, Ян Е, забыл, что такое совесть.

Ян Е обомлел. Лицо его мгновенно залило густой краской — на этот раз вовсе не от лихорадки. А в следующий миг он разразился бранью:

— Что ещё за проходимец?! Какая паршивая ищейка посмела оболгать меня?! Линь Шу, не верь ему, слышишь, ни в коем случае не верь! Ну откуда в этой глуши взяться толковому лекарю? Обычный шарлатан!

Линь Шу лишь мрачно молчал. Судя по его лицу, словам безвестного лекаря он поверил безоговорочно.

Поняв, что дело принимает скверный оборот, Ян Е поспешно придвинулся ближе, обхватил его за колени и уткнулся лицом в бедра, наотрез отказываясь подниматься:

— Не смей гнать меня! Я не стану обузой, клянусь! Я умею работать, буду во всём тебе помогать. От меня уйма пользы, вот увидишь, только дай мне шанс!

Линь Шу, слушая, как тот без зазрения совести заливается слезами, нахмурился:

— Сначала поднимись.

— Не поднимусь! Пока не пообещаешь, что останусь, с места не сдвинусь! — заупрямился Ян Е.

Линь Шу вздохнул от бессилия:

— Хорошо. И что же ты, такой полезный, умеешь делать?

— Я могу помогать на винодельне! И телегу водить умею. Буду ездить в город, помогать Сяо Шаньцзы в трактире — разносить еду, наливать чай, убирать со столов, всё сделаю! Считать тоже умею, буду вести твои книги. Могу готовить, стирать, чинить дом... И ещё... — Он вспомнил покосившуюся изгородь за домом. — Я умею ладить плетень! Возведу такую ограду, что ни одна дикая собака не проберется!

Последнее обещание прозвучало довольно нелепо, и Линь Шу не сдержался:

— Нет у меня никаких диких собак.

— Ну так... волки есть! — поспешно нашелся Ян Е. — Я видел ту гору позади дома, она же крутая, лесистая. Там наверняка полно всякого зверья: и волки, и тигры, и кабаны. Одному тут опасно, а со мной всё веселее будет.

Линь Шу тяжело, затажно вздохнул.

«Да ты похуже любого лесного зверя будешь», — подумал он.

Но развивать эту мысль вслух не стал, лишь устало махнул рукой:

— Ты едва оправился от горячки. Иди спать.

Видя, что Линь Шу успокоился и больше не грозит выставить его на мороз, Ян Е облегченно вздохнул. Он послушно забрался на постель, укутался в теплое одеяло и, высунув нос, с любопытством спросил:

— А ты сам-то где все эти ночи спал?

Линь Шу проигнорировал вопрос, снова уткнувшись в свои грессбухи.

— Слушай, кровать ведь огромная, — не унимался Ян Е. — Места обоим хватит. Обещаю, я и пальцем тебя не трону! Ложись со мной, а? Вдвоем куда теплее будет. К тому же я болен, видишь, у меня жар... я сейчас при всем желании ничего сделать не смогу. Так что спи спокойно, я буду паинькой.

— Обойдусь. Спи давай, — отрезал Линь Шу.

Ян Е помялся, но, видя, что Линь Шу упорно копается в расчетах и явно не намерен уступать, затих. Прикрыв веки, он принялся украдкой наблюдать за ним сквозь ресницы. Спустя какое-то время Линь Шу поднялся, прибрал бумаги, накинул на плечи плотный синий хлопчатобумажный плащ и вышел за дверь. Ян Е долго ждал его возвращения, но в комнате так никто больше и не появился.

До него наконец дошло: все эти дни Линь Шу ночевал в другом месте. На душе у Ян Е заскребли кошки от разочарования, но стоило ему вспомнить, что Линь Шу не стал возвращать ему нефрит из золотых нитей и красного бамбука, как на губах сама собой появилась глуповатая ухмылка. Покрутившись с боку на бок, он крепко уснул.

Ян Е был молод, да и на этот раз болезнь не сопровождалась той удушающей тоской, что терзала его в Лояне. Жар спал так же стремительно, как и начался. Благодаря крепкому от природы здоровью уже на следующее утро он чувствовал себя превосходно. Позавтракав вместе с Линь Шу простой рисовой кашей с солеными яйцами, он уже к полудню ощутил зверский голод — в животе призывно заурчало.

Ян Е со смущением покосился на Линь Шу, который по-прежнему усердно сводил счета за столом. Тот, не поднимая глаз, ровным голосом произнес:

— Скоро Сяо Шаньцзы привезет обед. Я попросил матушку Се приготовить побольше, на двоих.

И верно, ближе к полудню у крыльца закрипела повозка Сяо Шаньцзы. Мальчишка внес в дом огромную плетеную корзину. Стоило ему приоткрыть крышку и начать доставать миски, как по комнате разлился умопомрачительный аромат.

Изголодавшийся за время болезни Ян Е стоял рядом, едва не пуская слюни от предвкушения. Как только еда оказалась на столе, он без лишних церемоний набросился на угощение.

Поглощая пищу с жадностью изголодавшегося зверя, он умял почти целый горшочек наваристого супа с домашней лапшой и лесными грибами, порцию пареного папоротника, тарелку жареной грудинки и в довершение уничтожил четыре сытных паровых пирожка с мясом. Опустошив все тарелки, он сыто зажмурился и довольно рыгнул.

Сам Линь Шу едва успел съесть пиалу супа. Подняв глаза, он обнаружил перед собой гору пустой посуды. Смерив Ян Е тяжелым взглядом, он молча поднялся и вышел на галерею.

Сяо Шаньцзы, заметив неладное, поспешил следом. Линь Шу стоял, опершись о перила, и тихо ворчал:

— Ну и прорва.

— А что такого? — удивился Сяо Шаньцзы. — Жалко тебе, что ли? Моя матушка всегда говорит: коль завел скотину — строй хлев, коль взял жену — корми досыта. В наших краях хоть и глушь, а еды вдоволь. Станешь морить ее голодом — люди на смех поднимут. К тому же мы вчера с родителями толковали про твою суженую. Матушка сказала, что девица она видная и славная. И если ты упрямишься и не хочешь брать ее на содержание, она сама её пока приютит, покуда ты за ум не возьмешься.

Линь Шу от таких речей едва не поперхнулся воздухом. Лицо его потемнело еще сильнее, но он не проронил ни слова. Сяо Шаньцзы, поняв, что лучше помалкивать, поспешно откланялся и укатил обратно в деревню.

Когда Ян Е окончательно окреп, он обнаружил, где именно ютился Линь Шу. Тот обустроил себе ночлег в соседней каморке на узком дощатом топчане. Теплые дымоходы печи туда не доходили, и глухими зимними ночами в комнатухе стоял собачий холод — ни в какое сравнение с уютной спальней это не шло.

Ян Е защемило сердце от жалости. Дождавшись вечера, он прокрался к двери его каморки и жалобно заговорил:

— Там же мороз трескучий, замерзнешь! Возвращайся в спальню, а? Если ты против, я к тебе и пальцем не прикоснусь. Ну... разве что ты сам захочешь, но это уж как карта ляжет.

Линь Шу промолчал, даже не повернув головы.

— Клянусь, я больше никогда тебя не обижу! Даже если невтерпеж будет — стерплю, у меня слово крепкое. Линь Шу, я знаю, что раньше вел себя как скотина и распускал руки. Но погляди на меня сейчас: я же еле на ногах держусь от хвори, да еще и... ну, эти почки проклятые. Мне радоваться надо, если ты меня сам не поколотишь! Какие уж тут бесчинства? Пойдем со мной, ну пожалуйста?

Терпение Линь Шу лопнуло. Он резко вскочил с топчана, подлетел к двери, бесцеремонно выставил настырного гостя в коридор и с грохотом захлопнул дверь перед его носом.

На следующий вечер Ян Е дождался, пока Линь Шу уйдет по делам, пробрался в его каморку и преспокойно улегся на узкий топчан. Когда Линь Шу в темноте вошел в комнату и обнаружил на своей постели постороннее тело, он сердито спросил:

— Это еще что за фокусы?

— Ничего особенного, — донесся из-под одеяла невозмутимый голос Ян Е. — Ты хозяин, я гость. Негоже мне занимать лучшую комнату, так что ступай в тепло.

Линь Шу одарил его презрительным взглядом и, не тратя слов на препирательства, развернулся и ушел спать в теплую спальню.

Ян Е с малых лет рос в неге и роскоши, отродясь не ведая подобных лишений. Промаявшись в ледяной каморке три дня, он продрог до костей, и простуда едва не навалилась на него с новой силой. На четвертый день, когда Сяо Шаньцзы поднялся на гору за очередной партией вина, Ян Е, улучив момент, пока Линь Шу где-то пропадал, созвал мальчишку на подмогу. Вдвоем они притащили узкий топчан прямо в теплую спальню и водрузили его у противоположной стены, как раз напротив хозяйской кровати.

К вечеру Ян Е с комфортом устроился на новом месте, наслаждаясь долгожданным теплом. Линь Шу вернулся лишь за полночь. С его мокрых волос капала вода — судя по всему, он ходил куда-то искупаться. Шагнув через порог, он застыл на месте, ошеломленно созерцая Ян Е на его топчане.

Ян Е, который и не думал спать, поспешно приподнялся на локте:

— В той каморке жуткий сквозняк. Если я опять заболею, то точно протяну ноги. Тебе ведь не нужен труп в доме, верно?

Линь Шу промолчал. Он лишь молча задул свечу, подошел к своей постели, разделся и лег. Вскоре в тишине комнаты раздалось его ровное, спокойное дыхание. Ян Е лежал во тьме, не сводя глаз с его спины, и глухо улыбался про себя. Будущее казалось ему безоблачным и полным надежд.

Спустя пару дней Ян Е оправился окончательно. Бездельничать он не умел, поэтому целыми днями слонялся по галерее. Стоило Сяо Шаньцзы приехать за вином, как Ян Е, помня о своем обещании не сидеть на чужой шее, сломя голову бежал разгружать и нагружать повозку. Затем он бережно забирал корзину с едой, сам накрывал на стол и лишь тогда звал Линь Шу обедать. Разумеется, уплетал за обе щеки он и сам.

Линь Шу за едой вел себя отстраненно. Иногда он упорно смотрел в тарелку, а если Ян Е начинал слишком уж много болтать, одаривал его мимолетным хмурым взглядом, но в разговоры не вступал — видимо, до сих пор не мог простить глупых басен про истощенные почки.

Зато с Сяо Шаньцзы Ян Е сошелся на удивление быстро. Вскоре они уже вовсю приятельствовались и называли друг друга братьями, оставляя Линь Шу безучастно наблюдать за их шумным весельем со стороны.

Как-то раз Ян Е прослышал, что в уездном городе Ушань за горой намечается большая ярмарка. Недолго думая, он стащил из сундука Линь Шу синий хлопчатобумажный плащ, поплотнее в него закутался и обнаружил приятный сюрприз: во внутреннем потайном кармане завалилось несколько серебряных монет. Настроение его мгновенно взлетело. Запрыгнув на край телеги Сяо Шаньцзы, он весело покатил прочь из лесной глуши.

Всю дорогу они увлеченно болтали о всякой всячине. Наконец Ян Е, выждав удобный момент, закинул удочку:

— Слушай, Сяо Шаньцзы, как по-твоему, твой названный брат Линь Шу — хороший человек?

— Ты ведь сам с ним каждый день проводишь, с чего вдруг у меня спрашиваешь? — удивился мальчишка.

— Хоть мы и вместе каждый день, но я в прошлом сильно перед ним провинился, — со вздохом протянул Ян Е. — Он теперь со мной сквозь зубы разговаривает. В народе говорят: раскаявшийся грешник дороже праведника, а он мне и шанса дать не хочет. Эх, земля велика, да только некому пожалеть бедного скитальца...

Сяо Шаньцзы выслушал эту жалобную тираду с искренним сочувствием. Сердце у мальчишки дрогнуло, и он бросил на спутника жалостливый взгляд. Ян Е, заметив это, тут же перешел к делу:

— Скажи... а к нему в последнее время никто больше не заглядывал? Ну, девицы там миловидные или юноши благообразные?

— Дай-ка вспомнить... — Сяо Шаньцзы нахмурился, усердно копаясь в памяти. — Приходил один. Из уездной управы, что по ту сторону горы, частенько наведывался Цянь Нин. Он палач, у них там допросы с пристрастием ведет...

Не успел он договорить, как Ян Е железной хваткой вцепился ему в руку:

— Что?! Так к нему и впрямь кто-то подкатывает?! То-то он меня неделями не замечает! И дело, оказывается, вовсе не во мне и моих почках, а в том, что этот негодник на сторону

смотреть вздумал! Как, говоришь, его зовут? Цянь Нин? Сколько ему лет? Каков из себя? Небось, смазливый да вертлявый, из этих, слащавых?

Сяо Шаньцзы от такой железной хватки побледнел и весь затрясся от боли:

— Больно же!.. Братец Ян, пощади, пусти руку! Ай, пусти!..

К тому времени он уже давно понял, что Ян Е — самый настоящий мужчина, а все эти рассказы про «мужа и жену» были лишь шуткой. Сяо Шаньцзы был еще слишком юн и простодушен, поэтому особо не вникал в их дела, хотя в его голове так и не укладывалось, почему двое мужчин живут вместе и не собираются заводить себе жен.

Заметив, что мальчишка побелел от боли, Ян Е поспешно разжал пальцы и заговорил вкрадчивым, медовым голосом:

— Ну-ну, прости, увлекся. Рассказывай толком: зачем этот мерзавец к твоему брату Линь Шу шастает?

— Да ни за чем особенным, — потирая ушибленное плечо, заворчал Сяо Шаньцзы. — Посидят, выпьют чаю или вина, могут весь день проболтать. Я как-то сунулся послушать, а они обсуждают, как правильно пытать преступников и кости им ломать. Гадость несусветная, я больше и не совался. Этот Цянь Нин перед братом Линь Шу прямо стелется, без подарков никогда не приходит. Пару раз даже звал его в город, на казнь посмотреть. Но в последние месяцы замело всё, дороги завалило, вот он и не объявлялся больше.

Ян Е злорадно усмехнулся:

— Надо же, два сапога пара! Нашли друг друга, палач и дознаватель. И раз уж этот Цянь Нин такой преданный почитатель, что же его пара снегопадов остановила? Настоящей страсти никакие сугробы не помеха! Тьфу, дрянь какая. Не знал я, что Линь Шу опустится до такого — водить дружбу с каким-то заштатным палачом. Ну ничего. Пусть этот Цянь Нин только попробует сунуться еще раз — я ему все зубы пересчитаю!

Сяо Шаньцзы покосился на него и резонно заметил:

— Они вообще-то отлично ладят, всегда смеются вместе. Думаешь, брат Линь Шу позволит тебе распускать руки?

<http://bllate.org/book/19546/1998871>